АКАДЕМИЯ НАУК СССР • ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2/86

Журнал основан в 1974 г.

Выходит 4 раза в год

АПРЕЛЬ — МАЙ — ИЮНЬ

Издательство «Наука» Москва

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ ЗА РУБЕЖОМ

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ: ДОКУМЕНТЫ, ПУБЛИКАЦИИ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Дорогие читатели! Когда вы получите этот номер журнала до начала подписки на периодические издания останется немногим более двух месяцев. Надеемся, что за это время вы сделаете свой выбор и в 1987 году вновь станете нашими подписчиками.

Напоминаем: «Социологические исследования» распространяются только по подписке. И еще: условия подписки в этом году изменятся, поскольку изменится периодичность журнала.

Учитывая ваши пожелания, Президиум Академии наук СССР увеличил периодичность «Социологических исследований» с 4 до 6 номеров в год. Иными словами, начиная с 1987 года журнал будет выходить один раз в два месяца. Подписная плата за год — 7 руб. 80 коп., полугодие — 3 руб. 90 коп. Цена номера — 1 руб. 30 коп.

Ф. Э. ШЕРЕГИ

ПРИЧИНЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПЬЯНСТВА

ШЕРЕГИ Франц Эдмундович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра ВКШ при ЦК ВЛКСМ. Автор монографий «Политическая культура и молодежь» (в соавторстве, 1982), «Формирование населения в зоне БАМ» (в соавторстве, 1985). Неоднократно публиковался в нашем журнале.

Во второй половине прошлого века и в начале нынешнего отмечался резкий подъем потребления алкоголя во всех европейских странах. Объяснялось это бурным развитием капитализма, усилением эксплуатации трудящихся, ростом подвижности населения, разрушением остатков патриархального уклада жизни миллионов людей. Пьянство, став массовым явлением, вызвало активное противодействие — антиалкогольное движение, которое имело не только просветительскую, но и практическую направленность. Медики и социологи, наряду со сбором сведений о динамике производства и потребления спиртных напитков, изучали предпосылки и последствия массового алкоголизма, предпринимали попытки теоретического осмысления пьянства как социального феномена.

Буржуазные социологи рассматривают данное явление как форму социальной девиации, корни пьянства видят прежде всего в отчуждении личности, непризнании ею господствующих норм общественных отношений [5]. Этой же точки зрения придерживались сторонники антиалкогольного движения в России до революции. Так, М. Н. Нижегородцев писал: «...первая коренная группа причин алкоголизма масс заключается в условиях экономических (отрицательные стороны капиталистического строя и аграрных условий), санитарно-гигиенических (пиша, жилище и пр.), правовых и нравственных в более тесном смысле слова (недовольство своим личным, гражданским и политическим положением)» [4, с. 24]. Второй причиной он считал «питейные привычки и обычаи». Третья группа причин состоит, по его мнению, «в производстве, ввозе, провозе (транспортировании) и продаже спиртных напитков и алкогольных веществ вообще». И далее: «Вне всякого сомнения, потребление спиртных напитков находится в известной зависимости от числа питейных заведений, от личного интереса хозяев этих заведений, от способа продажи алкоголя (продажа в более мелкой и крупной посуде), от времени, в которое функционируют места продажи алкоголя и т. д.» [4, с. 25—26].

В связи с началом в 1914 г. первой мировой войны царское правительство прекратило монопольное производство спиртных напитков, что было равнозначно введению «сухого закона» в условиях военного времени. После Октябрьской революции 1917 г. ситуация в стране в корне изменилась, но антиалкогольные меры действовали практически до середины 20-х годов. Гражданская война и послевоенная разруха требовали решительных действий государства диктатуры пролетариата по пресечению

Таблица 1

Рост самогоноварения и числа самогонных аппаратов с 1922 по 1924 г.*

Годы	Обнаружено случаев самогоноварения, *тыс.*	Отобрано самогонных аппаратов, *тыс.*
1922	94	22
1923	191	54
1924	275	73

Примечание. Таблица составлена на основе данных, приведенных в [10, с. 14].

пьянства. Самогоноварение, другие попытки противостоять антиалкогольной политике социалистического государства были в этой сложной обстановке одной из форм борьбы старого общества против роста и укрепления позиций социализма. Пьянство и алкоголизм, лишившись своих социальных корней, свойственных капитализму, подогревались, по верному замечанию известного психиатра В. М. Бехтерева, «питейными обычаями» и традициями [6, с. 13]. Анархическое своеволие мелкобуржуазной стихии нередко выходило в этой сфере из-под контроля.

С середины 20-х годов начинает доминировать понятие «бытовой алкоголизм», а основным мотивом потребления становится «подчинение установившимся общественным обычаям» [7, с. 17]. Выделяются три вида бытового пьянства: ритуальное, связанное с отправлением религиозных культов; обрядовое, связанное с обычаями (чествование гостей, свадьбы и т. д.); и, наконец, основанное на личном экономическом интересе.

В условиях отсутствия государственной реализации спиртных напитков обрядовое пьянство явилось стимулятором самогоноварения. Например, в одной из деревень Вологодской губернии (1924 г.) 52 крестьянских двора потратили на самогоноварение по случаю религиозного праздника в среднем 4,5 ц ржаной муки, а на 10 праздников— около 50 ц. В среднем же одно крестьянское хозяйство расходовало на ежегодный праздничный самогон до 10 пудов муки [8, с. 7].

Кроме того, крестьяне использовали самогон как эквивалент при торговых расчетах. Так, за провоз леса платили либо 5 ц хлеба, либо 24 л самогона; за 10 л самогона привозили сруб для хаты [8, с. 12]. Огромная разница в цене на промышленные и сельскохозяйственные товары явилась причиной использования самогона в качестве эквивалента товарного обмена, поэтому «...крестьянам было выгоднее излишки хлеба перегонять на самогон» [9, с. 114]. По данным 1923 г., в целом по стране самогоноварение означало потерю 100 млн. пудов хлеба [6, с. 6].

Об интенсивном росте самогоноварения в начале 20-х годов свидетельствуют, в частности, следующие статистические данные (см. табл. 1).

В 1924 г. в стране было выявлено до 1 млн. самогонных аппаратов [8, с. 32]. С. Н. Шевердин отмечает, что в действительности их было гораздо больше, поскольку с 1922 г. борьба с самогоноварением в деревне почти совсем прекратилась [11, с. 74—75].

Согласно данным анкетного опроса, проведенного Госспиртом летом 1923 г., число крестьянских хозяйств, производивших самогон, составляло почти 10% [12, с. 86]. Таким образом, число самогонных аппаратов в стране превышало 10 млн. Впоследствии сторонники антиалкогольного движения объясняли введение летом 1925 г. государственной монополии на производство алкоголя стремлением вытеснить самогоноварение. Однако истинные причины этой меры лежат в сфере экономики.

Доходы от реализации спиртных напитков учитывались в бюджете России с середины XVIII в. Например, в 1749 г. они составляли 1,8 млн. руб. Анализ данных за период с 1826 по 1911 г. [13, с. 226—227] позволяет сделать следующий вывод: непрерывно росла абсолютная величина этих доходов, а их доля в государственном бюджете составляла примерно одну треть (см. рис. 1). Рост потребления спиртных напитков на 2% способствовал увеличению доходов на 14% [3, с. 46]. На территории РСФСР допускались производство и продажа виноградного вина крепостью 12°, а с 1921 г.— 14° [14, с. 21]. В 1922 г. была разрешена продажа плодово-ягодного вина крепостью до 20°, в

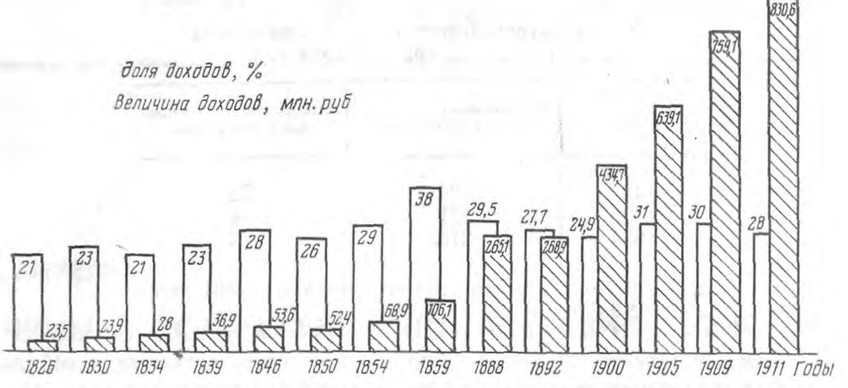

Рис. 1. Тенденции изменения доходов от реализации спиртных напитков

1923 г. в стране началось производство наливок и настоек крепостью до 20°, а в 1924 г. их крепость была увеличена до 30° [12, с. 114].

Вопрос, вводить или не вводить государственную монополию на производство алкоголя, решался с учетом характера и состояния экономики страны [15, с. 145—155]. В. И. Ленин, который обосновал необходимость введения нэпа, по отношению к алкоголю, как в форме государственного производства водки, так и самогоноварения, всегда был непримирим [1]. Однако впоследствии стремление государства обойтись без иностранного капитала, необходимость опереться только на собственные финансовые ресурсы (при отсутствии достаточной товарной массы) привели к отказу от запрещения производства и продажи водки. Суть этой меры ясно выражена в ответе И. В. Сталина на вопрос иностранных рабочих 5 ноября 1927 г.: «Когда мы вводили водочную монополию, перед нами стояла альтернатива: **либо** пойти в кабалу к капиталистам, сдав им целый ряд важнейших заводов и фабрик... **либо** ввести водочную монополию для того, чтобы заполучить необходимые оборотные средства для развития нашей индустрии своими собственными силами...» [2]. В соответствии с принятой мерой доход от водки и спиртных напитков повысился, и доля его в государственном бюджете выросла с 2% в 1923/24 г. до 12% в 1927/28 финансовом году [16]. Подобный рост [10, с. 16], естественно, мог быть лишь следствием интенсивного роста производства спиртных напитков, пива (табл. 2).

Потребление алкоголя на душу населения в России было всегда ниже, чем в других европейских странах. Однако следует считаться с некоторым искажением этого показателя из-за весьма низкого уровня потребления алкоголя среди азиатских народов и некоторых национальных меньшинств, населявших страну. В 1900 г. по показателю потребления алкоголя (в среднем за год на душу населения в расчете на 50° водку) Россия занимала 11-е место: 1) Норвегия — 35,0 л.; 2) Дания — 15,83; 3) Австро-Венгрия — 11,0; 4) Бельгия — 9,6; 5) Франция — 9,2; 6) Германия — 8,8; 7—8) Швеция и Голландия — по 8,1; 9) Швейцария — 6,1; 10) Великобритания — 5,08; 11) Россия — 4,88; 12) США — 4,81; 13) Италия — 1,16 л [4, с. 34]. В России на дисперсию такого показателя влияние оказывали два фактора: региональные различия в потреблении алкоголя и степень урбанизации. Так, в расчете на 40° водку потребление алкоголя на душу населения в 1900 г. составляло: в северных районах — 8,7 л, в восточных — 5,1, в промышленных — 8,7, в среднечерноземных — 6,4, в малороссийских — 5,7, в прибалтийских — 6,6 л. и т. д. Таким образом, усреднение от общего показателя (4,88 л) происходило за счет азиатских районов страны. Еще выше различия между урбанизированными и неурбанизированными районами: в российской деревне этот же показатель составлял в расчете на одного взрослого мужчину в среднем 12 л, в городе — 40, в Петрограде — 70 л [4, с. 41].

В 1913 г., накануне прекращения государственного производства алкоголя, его потребление в России на душу населения (в единицах чистого спирта) составляло 3,41 л. К 1923 г. оно упало почти до нуля, а после возобновления государственной монополии (в 1925 г.) составило 0,88 л.

Таблица 2

Рост производства спиртных напитков, ***тыс. л в год***

Напитки	Годы					
	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28
Водка	0,0	9,84	50,03	252,0	387,45	510,45
Пиво	98,4	211,45	253,37	381,3	393,06	418,02

В дальнейшем наблюдался медленный рост потребления алкоголя до 1950 г. и резкий скачок в 1970—80 гг.: 1932 г.— 1,04; 1940 — 1,9; 1950 — 1,85; 1960 — 4,82; 1970 — 9,22; 1980 г.— 12,63 л на душу населения [16]. На 60—80-е годы приходится процесс интенсивной урбанизации страны, что также могло послужить «стимулятором» скачкообразного роста потребления алкоголя. О влиянии урбанизации на рост потребления алкоголя свидетельствуют данные специальных исследований, проведенных за рубежом [17].

Русские исследователи выявили также зависимость уровня потребления алкоголя от характера выполняемой работы. Так, В. М. Бехтерев рассчитал, что, если принять за 100% потребление алкоголя углекопами и грузчиками, потребление среди землекопов составит 97,9%, среди кучеров, трубочистов — 90,9%, булочников, поваров — 90,0, пильщиков, плотников — 85,7, каменщиков — 83,2, мясников — 80,0, слесарей — 77,8, механиков — 71,3, прислуги, печатников — 66,7, красильщиков (маляров) — 64,1, торговых служащих — 53,7, сапожников — 55,6, портных — 44,4, почтово-телеграфных служащих — 42,9% [6, с. 48].

Социальные последствия пьянства и алкоголизма изучались русскими исследователями как в дореволюционных условиях, так и в 20-е годы. Вот некоторые из их наблюдений.

В наиболее общем виде представление о влиянии пьянства и алкоголизма на рост преступности в начале века (1909 г.) дает вывод Н. И. Григорьева: «почти половина обитателей тюрем попали туда, совершив преступление в пьяном виде» [18, с. 2]. Уместно привести собранные исследователем данные о доле преступлений, совершенных в пьяном виде: против «целомудрия и чести женщин» — 62% по С.-Петербургу и 46,6% в среднем по уездам; увечья, раны — соответственно 53,5 и 51,5%; кражи — 52,9 и 28,3%; смертоубийство — 39,0 и 33,0%; грабежи — 42,1 и 48,3% [19, с. 205].

Свидетельством того, что именно пьянство влияет на рост преступлений, является изменение характера преступности после введения государственной монополии на производство алкоголя. По сравнению с 1925 г., в следующем году число преступлений, совершенных в состоянии опьянения, возросло в городах на 270%, в селах — на 330% [20, с. 142].

Сложнее подсчитать экономический ущерб от пьянства, поскольку различные его виды подлежат статистическому учету по разным ведомствам. Например, Э. И. Дейчман приводит следующие данные: в 1927/28 финансовом году доход от реализации спиртных напитков составил 728 млн. руб., а убытки — 1270 млн., т. е. почти в 1,8 раза выше [20, с. 119]. Ю. Ларин, председатель Общества борьбы с алкоголизмом, подсчитал, что после отмены «сухого закона» от падения производительности труда ежегодно терялось 5% промышленной продукции общей стоимостью 300 млн. руб; 500 тыс. т хлеба (150 млн. руб.); 100 тыс. т патоки, картофель, топливо, т. е. убыток составил не менее 450 млн. руб. [10, с. 29].

Опыт свидетельствует о благотворном влиянии уменьшения потребления алкоголя на производительность и дисциплину труда. Непосредственно после введения запрета на производство алкоголя Вольное экономическое общество провело обследование 214.615 рабочих 172 промышленных предприятий страны и получило результаты, согласно которым производительность труда мужчин-текстильщиков увеличилась на 3,6%, рабочих-металлургов — на 11,4, а в среднем у всех групп рабочих — на 0,89%. Число прогулов уменьшилось вдвое [10, с. 22]. Для сравнения отметим, что после отмены запрета на производство водки число прогулов по неуважительным причинам (данные 1925/26 г.) возросло на промышленных предприятиях на 11,7% [6, с. 45].

Таблица 3

Количество смертных случаев по причине алкогольного отравления
(*в расчете на 100 тыс. жителей*)

Города	Годы								
	1911	1913	1915	1917	1923	1924	1925	1926	1927
Москва	7,2	6,7	2,1	1,3	1,0	1,3	4,6	7,6	11,8
Ленинград (Петроград)	35,1	—	—	—	1,7	2,7	6,4	10,9	18,3

Более точному учету поддается воздействие алкоголя на состояние здоровья населения, так как этим занимались активисты антиалкогольного движения, по преимуществу врачи. Выделялись три основные формы воздействия алкоголя на здоровье: 1) интегральный показатель смертности, в который включались все виды летальных исходов от алкогольного отравления (цирроз печени, чахотка, случаи замерзания и т. д.); 2) самоубийства на почве алкоголизма; 3) нервно-психические заболевания. В качестве «сопутствующих» выделялись также венерические заболевания. О том, насколько обоснованно беспокойство исследователей о состоянии здоровья населения, свидетельствуют данные по Московской губернии: в 1909 г. из каждых 100 родившихся доживали до 20-летнего возраста менее трети [18, с. 17]. Наглядное представление о росте числа смертей от алкогольного опьянения [10, с. 17—18] после отмены запрета на производство спиртных напитков дают статистические сведения по Москве и Ленинграду (Петрограду) (см. табл. 3).

Согласно данным статистики (1866—1904), в С.-Петербурге среди самоубийц было очень много покончивших с собой на почве пьянства: 25,6% мужчин и 14% женщин [18, с. 4]. Еще более наглядно о связи между потреблением водки и ростом самоубийств свидетельствуют данные, полученные А. М. Коровиным [21, с. 19]:

Душевое потребление водки, *л*	На 1000 умерших приходится самоубийц
1,0—3,0	4,6
3,1—5,0	6,7
5,1—7,0	7,7
7,1—9,0	11,5
9,1 и более	82,6

В 1913 г. число душевнобольных на почве пьянства составляло 19,7% от числа всех стоявших на учете. С 1916 по 1920 г. психические заболевания на почве пьянства встречаются в единичных случаях. Однако с расширением самогоноварения их доля начинает расти: так, в 1923 г. она составляла 2,4% среди всех душевнобольных. После отмены запрета на производство алкоголя этот рост продолжался: в 1924 г.— 5,5%, в 1925 — 7,2, в 1926 г.— 9,4% [20, с. 122].

Среди «сопутствующих» болезней наибольшую опасность представляли венерические и чахотка. Как показал А. М. Коровин, между первым опьянением, началом курения и началом половой жизни имелась весьма тесная корреляционная связь [22, с. 81]. Об этом, в частности, свидетельствуют данные обследования 4376 детей, подростков, юношей и девушек сибирских деревень Ачинского округа, проведенного в 1924—1925 гг. (см. рис. 2).

Один из центральных вопросов, ставший предметом пристального изучения специалистов,— воздействие алкоголизма на генетический потенциал будущего поколения. Пресса заговорила о «вырождении русского народа» по причине «массовых недородов, алкоголизма, сифилиса». При изучении состояния здоровья населения широко использовался такой показатель, как доля забракованных призывников. Н. И. Григорьев писал: «Здоровье молодежи, призванной к отбыванию воинской повинности, есть показатель здоровья страны, показатель ее общественно-санитарного благоустройства» [18, с. 16]. Согласно официальной статистике, из 227.158 призывников 1902—1904 гг. по причине «наследственного алкоголизма» было выбраковано 19,5%. Отягощенная наследственность выражалась в следующих видах заболеваний: золотушное худосочие — 15,5%, нервные болезни (падучая, паралич и др.) — 5, идиотизм и сумасшествие — 9,3, глухота

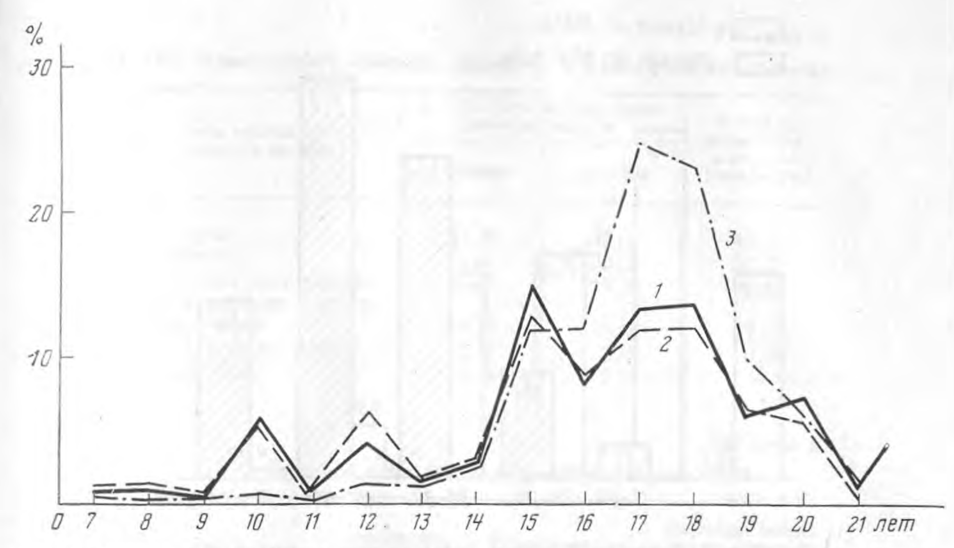

Рис. 2. Возрастная динамика начала употребления алкоголя (—), курения (— — —), **а также половой жизни (—.—.—)**

и глухонемота — 10,6, «грудь узкая и рахитичная» — 19,2, хроническое воспаление легких — 17,2, хронический катар — 23,2% [18, с. 9].

Необходимо учесть, что в начале века молодежь в возрасте до 24 лет составляла более половины больных алкоголизмом. По ряду причин (изменение структуры питания, борьба против алкоголизма и др.) возрастной состав алкоголиков к 80-м годам существенно изменился. Об этом позволяет судить сравнение результатов обследований, проведенных в 1907 г. А. М. Коровиным [23, с. 57] и в последние годы Г. Г. Заиграевым [16] (см. рис. 3).

Уже в конце XIX века были получены свидетельства о возможности наследовать предрасположенность к алкоголизму и влиянии наследственного алкоголизма на состояние здоровья и девиацию молодого поколения. Согласно отчетам 12 психиатрических заведений за 1894—1895 гг., при запойном пьянстве отягощенная наследственность была отмечена у 83% мужчин и 9% женщин, а при хроническом алкоголизме — у 70% мужчин и 19% женщин [24, с. 440]. Основываясь на анализе данных учета заболеваний и девиации населения за 1901 г., Н. Фронтковский указал, что наследственный алкоголизм явился причиной хронического пьянства (32,7%), преступности (26,9%), слабоумия (65,4%), проституции (37,0%) [25, с. 48—49]. Наблюдения Н. Морозова показали, что пьянство родителей стало причиной идиотизма 33% детей [26, с. 113].

Материалы психиатрических лечебниц Тулы и Ярославля за 1903—1906 гг. [18, с. 9] свидетельствуют о том, что отрицательная наследственность сказывается в равной степени как по отцовской, так и по материнской линии (см. табл. 4).

С алкоголизмом связывали ученые и непомерную (26%) смертность новорожденных в России. В странах Европы в конце XIX в. этот показатель составлял в среднем 20%, после введения государственного регулирования продажи спиртных напитков он снизился в Дании до 12%, в Ирландии — до 10, в Швеции — до 9, в Норвегии — до 8% [27, с. 1—2].

Следование традициям и непросвещенность масс явились серьезным тормозом в деле антиалкогольной пропаганды среди детей и подростков. По данным за 1907 г., 43,7% учащихся школ регулярно потребляли спиртные напитки [23, с. 90]. К сожалению, детское пьянство оказалось весьма живучим. Материалы повторного исследования свидетельствуют, что потребление водки и коньяка школьниками Петрограда увеличилось с 22,7% в 1900 г. до 41,5% в 1910 г. Из числа обследованных в 1926 г. школьников 73% пили вино и пиво, 44% — водку, 20% — самогон. Причем инициаторами спаивания детей нередко выступали родители и родственники. Обследование А. М. Коровиным 22.617 деревенских детей, из которых в возрасте семи-восьми лет потребляли алкоголь 61,2% мальчиков и 40,9% девочек [8, с. 19], дало следующие результаты (см.

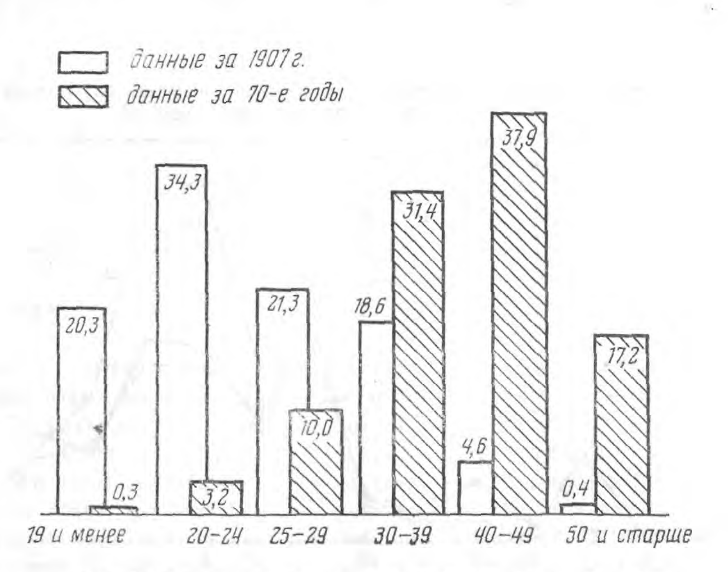

Рис. 3. Возрастной состав больных алкоголизмом, %

табл. 5). Напомним известную истину — приобщившиеся к алкоголю с раннего детства, как правило, становятся хроническими алкоголиками.

Усилия исследователей, направленные на вскрытие факторов алкоголизации населения и выявление социальных последствий пьянства и алкоголизма, привели к выводу, что «...государственные и законодательные мероприятия могут лишь тогда иметь существенное значение, если само общество и, наконец, народные массы поймут все значение алкоголизма и примут сознательное участие в борьбе с этим злом» [4, с. 9]. В 1927 г. В. М. Бехтерев высказал следующую мысль: «Отрезвление трудящихся есть дело самих трудящихся... что возможно только при достаточном культурном уровне широких масс» [6, с. 59—60]. В марте 1927 г. была ограничена продажа спиртных напитков малолетним, а также лицам, находящимся в нетрезвом состоянии; в театральных буфетах, местах культуры; в выходные и праздничные дни [28]. Осенью 1926 г. в школах было введено обязательное антиалкогольное просвещение [10]. Раздавались предложения об увеличении производства сахара и безалкогольных напитков, развитии кинематографа и радиосети [29, с. 1]. Повсеместно усиливалась борьба против шинкарства, которое, по сравнению с 1926 г., возросло в первом полугодии 1928 г. на 178%, а во втором — на 207% [14, с. 28].

Кроме того, повышались цены на спиртные напитки. Однако опыт показал, что непосредственно после повышения цен уровень потребления алкоголя понизился незначительно [4, с. 33]. Об этом, в частности, свидетельствуют данные об изменении цен на водку (см. табл. 6). Так, повышение цены на водку в рассматриваемый период на 120% привело к понижению ее потребления лишь на 28,6%. Мало того, в деревне водку заменил самогон. Например, повышение в декабре 1925 г. цены на водку на 50% способствовало резкому понижению потребления водки в деревне, где она была вытеснена самогоном, в городе же потребление водки сколь-либо значительно не изменилось.

Таблица 4

Влияние наследственности на психоневрологическую патологию (по материалам Тулы и Ярославля за 1903—1906 гг.), %

Больные	Принято на лечение, человек	Были алкоголиками			Доля больных вследствие алкоголизма родителей
		отец	мать	оба родителя	
Мужчины	5752	51,8	4,2	37,7	93,7
Женщины	577	49,7	8,1	38,0	95,8
Всего	6 329	51,6	4,6	37,8	94,0

Таблица 5

Тип «алкогольного общения» детей, % *к числу опрошенных*

С кем распивались спиртные напитки	В 1908—1909 гг. потребляли спиртные напитки		В 1926 г. потребляли алкоголь (школьники)
	мальчики	девочки	
С отцом	42,6	32,1	49,5
С матерью	14,4	26,2	31,2
С обоими родителями	11,3	14,1	1,0
Со знакомыми и родственниками	23,6	23,2	17,4
В детской компании	6,5	2,6	0,9
В одиночку	1,6	1,8	—

Таблица 6

Рост цен и динамика потребления водки

Годы	Повышение цен, % *по отношению к предыдущей цене*	Потребление на душу населения, *л*	Изменение потребления по сравнению с предыдущим уровнем, %
1864	—	8,7	—
1870	20,0	9,0	+3,4
1874	16,7	8,2	—8,9
1881	14,3	7,9	—3,7
1887	12,5	6,3	—20,3
1888	2,8	6,2	—1,6
1893	8,1	4,9	—21,0
1901	10,0	4,9	0,0
1907	—	6,3	+28,6

В заключение отметим: пьянство и алкоголизм — это не просто форма индивидуального или массового отклоняющегося поведения, а противоречащая развитию цивилизации социальная аномалия, которую общество вправе искоренять любыми доступными ему средствами. В настойчивой и последовательной борьбе против пьянства и алкоголизма, которую проводят партия и государство [3], полезно учесть и использовать прошлый опыт, в том числе результаты научных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 318; т. 43, с. 326; т. 45, с. 120; т. 53, с. 242.
2. *Сталин И. В.* Беседа с иностранными рабочими делегациями.— Соч., т. 10, с. 232.
3. Трезвость — закон нашей жизни. М.: Политиздат, 1985.
4. Алкоголизм и борьба с ним. Под ред. М. Н. Нижегородцева. Спб., 1909.
5. См.: *Merton R. K.* Social Structure & Anomie.— American Sociological Review, 1938, oct., v. 3, p. 677; *Snyder C. R.* Inelrity, Alcoholism & Anomie.— In: Anomie & Deviant Behavior. N. Y., 1964, p. 189—212.
6. *Бехтерев В. М.* Алкоголизм и борьба с ним. Л., 1927.
7. *Воронов Д. Н.* Алкоголь в современном быту. М.— Л., 1930.
8. *Страшун И. Д.* Водка — яд бедноты. М., 1929.
9. *Пархоменко А. Г.* Государственно-правовые мероприятия по борьбе с пьянством в первые годы Советской власти.—Сов. государство и право, 1984, № 4.
10. *Страшун И. Д.* Задачи школы и учителя в борьбе с алкоголизмом. М.—Л., 1929.
11. *Шевердин С. Н.* Со злом бороться эффективно. М.: Мысль, 1985.
12. *Чертыкин В. М.* Тайное винокурение в деревне.— Плановое хозяйство, 1924, № 4—5.
13. Алкоголизм как научная и бытовая проблема. Под ред. А. В. Молькова. М.— Л., 1928.
14. *Коржихина Т. П.* Борьба с алкоголизмом в 1920-е — начале 1930-х годов.— Вопр. истории, 1985, № 9.
15. *Алешин В.* Поле трагической борьбы.— ЭКО, 1985, № 10.
16. Рассчитано по: *Несмелов Ф. Я.* Алкогольный тупик. Харьков, 1931, с. 21; *Заиграев Г. Г.* О некоторых особенностях профилактики пьянства.—Социол. исслед., 1983, № 4, с. 97, 101; *Углов Ф. Г.* В плену иллюзий. М.: Мол. гвардия, 1985, с. 62, 222.

17. *Juhász P.* A neurózis és az alkoholizmus néhány szociológiai vonatkozása (Некоторые социологические аспекты невроза и алкоголизма).— Szociológia, 1980, № 1, p. 69—77; *Hegedüs J. G., Kiss J.* Alkoholizmus Magyarorsrágon (Алкоголизм в Венгрии).— In: A deviáns viselkedés szociológiaja (Социология девиантного поведения). Budapest, 1974, с. 339.
18. *Григорьев Н. И.* Алкоголизм как общественное зло. Спб., 1909.
19. *Григорев Н. И.* Алкоголизм и преступление в г. С.-Петербурге. Спб., 1906.
20. *Дейчман Э. И.* Алкоголизм и борьба с ним. М.— Л., 1929.
21. *Коровин А. М.* Самоубийства и потребление водки в Европейской России с 1903-го по 1912 год. М., 1916.
22. *Коровин А. М.* Опыты и наблюдения над алкоголем. М.— Л., 1929.
23. *Коровин А. М.* Опыт анализа главных факторов личного алкоголизма. М., 1907.
24. Вопросы нервно-психической медицины. Спб., 1897.
25. *Фронтковский Н. И.* К вопросу о патологоанатомических изменениях в яичниках. Спб., 1901.
26. *Морозов М.* Материалы к антропологии, этиологии и психологии идиотизма. Спб., 1902.
27. *Григорьев Н. И.* Отчего в России такая ужасающая смертность грудных детей? Спб., б. г.
28. *Ларин Ю.* Новые законы против алкоголизма и противоалкогольное движение. М., 1929.
29. Трезвость и культура, 1929, № 2 (8).

С. И. ГОЛОД

ИЗУЧЕНИЕ ПОЛОВОЙ МОРАЛИ В 20-е ГОДЫ

Обращение к результатам социологических исследований более чем полувековой давности обусловлено не столько историко-научными соображениями, сколько необходимостью повышения качества современных разработок в области половой морали и сексуального поведения. Сегодня, когда изменяется структура взаимосвязи репродуктивных, брачных и сексуальных установок, сфера половой жизни оказывает возрастающее воздействие на формирование социально-нравственных характеристик личности. При этом строго научное, методически обоснованное изучение этих проблем несовместимо с поверхностным морализаторством. «Вопреки распространенному предрассудку, объяснить причины, понять истоки какого-либо явления вовсе не значит принять и морально оправдать его,— пишет И. С. Кон.— Социология не просто констатирует объективные статистические тенденции, но вскрывает их противоречивость и оценивает в свете определенных мировоззренческих принципов» [2]. Совершенно очевидно, что анализ эмпирических данных о состоянии половой морали обязательно предполагает четкое различение вербального и фактического поведения, а также учет социально-культурного контекста. Только при этом условии проводимые социологом сопоставления удовлетворяют критериям обоснованности и достоверности.

Эмпирические социологические исследования сексуального поведения начали проводиться в нашей стране в 20-е годы. Причем их методическое обеспечение было более тщательным и продуманным, чем инструментарий, применявшийся в западной социологии.

Научная ценность и уникальность исследований 20-х годов заключаются прежде всего в том, что они дают картину ломки отжившей буржуазной морали и становления новых форм семейно-бытовых отношений, картину объективно противоречивую, в которой еще преобладает внутренний мотив отрицания, но при ближайшем рассмотрении в ней можно заметить контуры подлинно социалистического идеала.

Исследователь, поставивший перед собой задачу сравнить современную ситуацию в сфере половой морали с результатами опросов 20-х годов, помимо культурной отста-

---

ГОЛОД Сергей Исаевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем АН СССР. Автор монографий «Профессиональная работа женщин и семья» (1971, в соавторстве), «Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты» (1984). В нашем журнале опубликовал рецензию (1984, № 3, в соавторстве).